Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

№ 11

2583

Год на семичасовом.

Горячая сутолока заседаний. Напряженные голоса, сухие, отрывистые фразы. Километры математических выкладок. Отношения, предположения, сметы... Сокровенную думу рабочие носили давно, растили ее, холили. Но, потирая седые виски, многие все же говорили сурово и неверяще:

— Едва ли...

А, между тем, это стало фактом ровно год тому назад.

5 ноября 28 года фабрика ВЗОК перешла на семичасовой рабочий день.

Это был праздник, великий трудовой праздник в жизни фабрики. Но победу надо закрепить, надо итти дальше.

И стали закреплять.

Вместо ручной зачистки ввели машинную. Вместо пилы, обернутой наждаком, заурчали барабаны. Экономия — 2,739 копейки на замок; а замков—сотни, тысячи...

Заграничное оборудование, поставленное на фабрике, дало возможность применить комбинирование штампов. Работа пошла скорее. Экономический эффект: по прошивке дыр верхней планки—26,1 проц., по прошивке дыр на кладке—58 проц.

Производственная комиссия дала подарок фабрике—7 предложений, а эти предложения, в свою очередь, дали 1185 рублей.

Оборудовали механическую травилку железа. Это увеличило пропускную способность не много, не мало, а в 6 раз.

По фабрике протянулась узкоколейка. Под потолком в синеватой сумерочности заскрипел под'емный кран.

По страницам того, что обычно называется квартальным отчетом и что для фабрики является картой пройденного пути — трудного, усеянного рытвинами и буграми,—строятся строгие колонны цифр. В каждой цифре-целый этап работы фабрики.

Прислушайтесь к цифрам. Раздвиньте их, и вы услышите победную музыку труда.

Если в 27—28 г. выпуск продукции на одного рабочего выражался в 29 р. 94 коп., то теперь он составляет 35 р. 29 к. Разница? Снова бегут цифры... И аккорд: программа увеличилась против прошлого года на 227,9 проц.

Интересы фабрики — интересы рабочих.

Производительность труда за 3 квартала поднялась на 15,34 проц. Прогулы снизились с 0,98 проц. до 0,7 пр. Это — по неуважительным причинам. Но снизились прогулы и по уважительным причинам: если в 27-28 г. было 775 дней, то в этом году они составляют только 413 дней.

Комсомольская бригада.

68 рабочих добровольно повысили наряды.

Переход фабрики на 7-часовой рабочий день не мог не отразиться на постановке культурной работы.

Места для этой работы стало бо ше. Обеденный перерыв удлинился 1 часа.

Что же, может быть, все рабоч уходят обедать домой?

Нет, никто.

Все остаются на фабрике.

Обеденный перерыв культкомис использует умело. Беседы, докла концерты.

— Какой должна быть люб в коммунистическом обществе? Лек говорит быстро, коротко. Начина обмен мнений. Комсомольцы, раб ницы, пожилые рабочие — все с раются сказать свое мнение с т буны. Вопрос острый, живой воп Разговор переходит на старые сва бы, когда девушку отдавали за любимого человека, на большое чи разводов в ЗАГС'е...

— Как воспитать ребенка?

Новая лекция. Опять-таки остр выдвигаемый самой жизнью воп

Среда—военный день. В маленьк тесных комнатах занимаются воен и медико-санитарный кружки. В т сухо щелкают выстрелы.

Посещаемость прозсовещаний по введения 7-часового дня поднял с 40 до 60 проц.

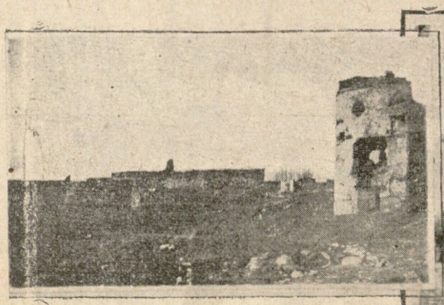
— Раньше, — рассказывает куль работник,—на собрания, бывало, лачом не заманишь, а теперь так прут. Смотреть весело, какой дру ный народ пошел у нас на фабр

Да, народ дружный! Фабрика и вперед быстрыми, сильными шага Старый корпус, не работавший 16 сейчас восстанавливается Прибав новые цехи, придут новые рабочи фабрика будет работать еще луч

Так выполняется манифест со ского правительства. Так выполня пятилетний план нашего хозяйст но-культурного строительства—с ительства социализма!

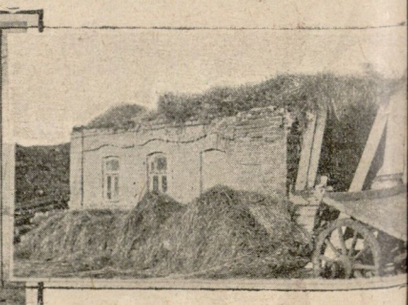
Ив. Кости

МЕСТЬ КЛАССОВОГО ВРАГА—ПОЖАР В СЕЛЕ ГРАНКИ.

В сентябре кулачье подожгло строения бедняков села Гранок, мстя за организацию колхоза.

НА СНИМКЕ: по бокам—на пожар В средине—здание, где проходил над поджигателями.

Главных инициаторов поджога: Герасима Ускова, С. Королева и подкулачника Ивана Черникова, суд приговорил к расстрелу с конфискацией имущества у первых двух. Второй подкулачник Винокуров приговорен на 5 лет. Приговор приведен в исполнение.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Ноябрь 1929 года. | № 11 (36)

17 12 29 ОДЕСА

2583

ГОД ТРИНАДЦАТЫЙ!
Рис. В. Сэпп.

Говорят *ОНИ* нам в злобном раже:
— Ваша стройка все одна и та ж...
Говорим мы:—Та же да не та же:
Год тринадцатый—тринадцатый этаж!

Рис. А. Лесного.

Вторая коммунистическая

Из заметок коммуниста-красноармейца

Повесть А. МЕДВЕДЕВА.

«Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя семья набежала,
Демьян Бедный.

ПАРТМОБИЛИЗАЦИЯ.

В уком из губкома пришла срочная телеграмма:
«Мобилизовать не менее 40 человек коммунистов фронт тчк Отказывающихся немедленно исключить партии тчк».

Организация взволновалась, как встревоженный улей. Каждый задавался вопросом: «Кого мобилизовать?. Уком сделал срочное заседание, на котором этот томящий всех вопрос и был разрешен.

Из состава укома и уисполкома было мобилизовано четыре товарища.

Остальных набрали из ячеек. Некоторые из коммунистов заявили желание итти на фронт добровольно.

ДОБРОВОЛЬЦЫ.

По неволе ты идешь,
Аль с охоты...

Добровольцы были самые необычайные. Особого внимания заслуживает из них 60-летний старик—пекарь Арефьевич. В партию он вступил вместе со своим 25-тилетним сыном Петром.

В 1917 году, прямо же после Октябрьской революции, отец с сыном пришли в уком и заявили:

— Пекаря мы... Всю жисть по хозяевам провели. А теперь вот видим, что власть наша рабочая,—хотим в партию.

Старик оговорочку ввернул:

— Только вы уж меня, товарищи, насчет креста не невольте. Попам я не верю, в церкву не хожу, а крест ношу. По привычке.

Сын отцовских взглядов не разделял, ни в чох, ни в мох не верил и креста не носил (впоследствии из него вышел великолепный работник). Люди в те времена были нужны, и отца с сыном приняли в партию без всякой волокиты

Теперь мобилизовали на фронт одного Петруху. Старик заявился в уком и решительно потребовал:

— Коли сына взяли, так и меня с ним берите.

— Что ты, Арефьевич! В твоих-то годах да на фронт? — пытались было уговаривать старика укомщики.

Но он и слышать не хотел.

— Из-под пушек выгонять лягушек буду, и то польза... Мы всю жисть с сыном вместе провели, а теперь чтоб я своего ребенка да одного оставил..

Повторяю: «ребенку» было 25 лет.

Подумали—подумали укомщики, посмотрели на ежистого, еще довольно крепкого Арефьевича и разрешили ему итти на фронт против белогвардейцев вместе с сыном.

ЕДЕМ НА ФРОНТ.

Посадили нас в вагоны.
Поднялись и плач и стоны.
Все вагоны: грох да грох!
Все девчонки: ох да ох!

Демьян Бедный.

Из уезда нас перебросили в губернский город, а из губернского через две недели на фронт. Проводы были самые обычные. Музыка, речи, красные флаги и слезы близких.

Под'ем у всех был необычайный. До хрипоты кричали «ура», выкрикивали лозунги и пели революционные песни. Даже серое здание вокзала не охладило нашего воинственного пыла. И только уж в вагонах, когда поезд тронулся, усталость взяла над нами верх. Многие из нас расположились по нарам, а некоторые просто приткнулись по углам и задали крепкого «храпака».

Всех нас, ехавших теперь, была всего одна рота. В губернии ее «окрестили» «Второй коммунистической». — это потому что «Первая коммунистическая рота» была сформирована двумя месяцами раньше и находилась уже на фронте. О ее подвигах мы читали в газетах и официальных сообщениях.

Вплоть до Орла рота спала богатырским сном. В Орле толкались по станции, охотились за кипятком и покупали табак и папиросы. Когда двинулись из Орла на Курск, то внимание всех привлекало здание орловской тюрьмы.

— Смотрите, товарищи! Вот он, знаменитый орловский централ!—выкрикнул кто-то, показывая на белое высокое здание.

— Да-а-а... Оттого, знать, в Орловской губернии и конокрадов много,—задумчиво протянул доброволец Васька Смолокуров.

— Отчего?—спросил его высокий, стройный партиец Лапунов.

— Да оттого, что в Орле вот такая просторная тюрьма,—бросил Смолокуров и, как-то свистя сквозь зубы, ожесточенно сплюнул на мелькавшие шпалы.

В Курске все, как голодные волки, набросились на малороссийское сало, белый хлеб и вареники (в Центральной России в то жестокое время ничего подобного не было).

В Белгороде любовались чудесными меловыми горами и необычайно колоритным белогородским базаром.

. . . . . .

«В РУССКОЙ ВАНДЕЕ».

Ты знаешь край, где все обильем дышет...
Майков.

От Белгорода до Харькова мы все уже ощущали благоухание чудесного края Украины,—Украины, которую теперь наши враги превратили в «Русскую Вандею». Мы жадно полной грудью пьем живительный, благодатный воздух. Любуемся яркостью красок природы этого чарующего края. Посылаем наш привет вон этим великанам-ветрякам и далеким, утопающим в зелени и цветах, хуторам. Но у каждого из нас тонкая иголка сомненья пронзает мозг:

— А кто в них, в этих хуторах?. Друзья или враги? Примут ли они нас? Не встретят ли при удобном случае ружейным и пулеметным огнем?

Возможно, все возможно...

Наши сомнения развеяла вынырнувшая откуда-то фура. В ней целый хоровод «дивчин». Их человек семь. С ними вместе фура напоминает огромную корзину, наполненную мальвами.

«Дивчины» что-то кричат и приветливо машут нам руками. При виде их мы вскипаем, загораемся жаждой жизни и сотней здоровых глоток орем:

— Пидорка-а!. Параська-а!..

С фуры слышатся звонкий, серебристый смех и громкий чудесный голос в ответ:

— Та воны и Пидорка и Параська... Возьмите их з собою.

Не успели мы опомниться, как две «дивчины» быстро соскочили с повозки, сорвали со своих роскошных головок «виночки» и побросали их к нам в вагоны.

Мы ответили оглушительным «ура» и аплодисментами.

Поезд ушел далеко, далеко вперед, а красавицы, остановив лошадь, все еще стояли на одном месте и посылали нам свои прощальные приветы.

Да, теперь мы понимали, что здесь наши друзья...

В Харьков прибыли только вечером. Здесь нас накормили великолепным ужином, но спать не дали. По городу и на вокзале всю ночь носились провокационные слухи об ожидаемых нападениях на город банд и о близости Деникина. Наши сердца, как свинцом, наливались тревогой. Пришлось всю ночь не выпу

ать винтовок из рук и не смыкать глаз. И только поутру, первыми лучами ослепительного украинского солнца, уплыли рассеялись наши ночные тревоги и сомнения.

Попили чаю, позавтракали чудесной кашей с свиным салом снова по-добру, по-здорову двинулись в путь.

Опять замелькали белые хатки, желтые подсолнечники и ярко-красные мальвы.

Мелькнула Мерефа, какие-то еще станции, а поезд все быстрее бежит вперед.

Теперь мы все твердо знаем, что направляют нас в город Славянск. Невольно вспоминалась старая песенка:

Близко города Славянска,
На верху крутой горы,
Знаменитый жил боярин,
По прозванью Карачун.

Боярина Карачуна теперь там, конечно, нет. Вместо него, де-то, повидимому, очень не далеко от Славянска, орудуют елые банды. И нам, вне всякого сомнения, придется не мало овозиться с ними. И, конечно, кому-то должен быть «карачун»: ли нам, или белогвардейцам..

СТАНЦИЯ ЛОЗОВАЯ.

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла.
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла.

Лермонтов.

Поезд весело мчится под уклон. С задорным гулом бежит елезный конек» по блестящим змеистым рельсам, съедая версту верстой. День праздничный. По взгорьям видны хороводы яющих «парубков» и «дивчат». Они «спивают», что-то кричат приветливо машут нам платками и шляпами. Смотришь на эти жие плахты, ленты, на полные радости жизни глаза, лица, и не-ольно рождается вопрос:

— Неужели в этой стране кипит война?

Еще полчаса скачет наш конек по ярко блестящим от солнца льсам. Еще полчаса мы полны напряжений мысли:

— А что-то нас ждет впереди?

И совсем не думали мы, что ждало нас «неожиданное».

Наш конек дал вдруг гулкий, протяжный свисток, и, вместо ычно белых «хохлатских» станций, перед нами предстала серая, ронированная в асфальт и цемент станция Лозовая.

Ничего не подозревая, как молодые ягнята, мы выскакиваем вагонов.

Со всех ног мы мчимся к вокзалу, в надежде найти кипятку, ко, молока, словом, всего того, что мы обычно находили на гих украинских станциях.

— Что за чорт!.. Ни одной женщины, ни одного мужчины!

Останавливаемся на минуту в недоумении, «разуваем» глаза, перед нами открывается невиданное нами доселе зрелище Кра-йцы, казаки, кавалеристы, без шапок, без сапог, побросав ужие, в беспорядке мчались прямо на нас и во все горло ли:

— Назад, назад!.. Тикайте скорее!

— В чем дело, товарищи?—попробовали было остановить мы которых из удиравших

— Тикайте, говорят вам!.. Не то загините, як мухи! Деникин тсиля блызехынько... Иде на конях и рубая шаблюками..

Мы первое время не знали, что делать. Наконец, как один, сились к вагонам и схватились за винтовки.

У всех была одна и та же мысль:

— Будем отстреливаться, пока не выйдут патроны.

... Коли сына взяли, так и меня с ним берите...

Вдруг со станции к нам прибежал человек в военном. Лицо его было взволновано. Челюсти дрожали от негодования.

— Товарищи, я—комендант станции!—выкрикнул он, обращаясь к нам.—Никакого противника вблизи нет. Все это провокация. Просто дезертиры свои шкуры спасают.

Недоумение наше усилилось еще больше. К человеку в военном подошли наши командиры. Нам они приказали собраться на местах у вагонов. Сами же вместе с ним отправились на станцию выяснить положение.

Минут через 10-15 командиры снова вернулись к вагонам Построили нас, выравняли, скомандовали: «Шагом марш!» и повели на перрон станции. День уже близился к вечеру.

На станции была какая-то странная суматоха. По перрону, по станционным зданиям носились красноармейцы, командиры и служебный персонал. Кругом все как-то необычайно насторожилось. Но к кому мы ни обращались, никто нам о причинах такого тревожного состояния не говорил.

Повидимому, рассматривали нас, как «новичков», и боялись, что мы зададим «стрекача», как те дезертиры, с которыми мы столкнулись при приезде на Лозовую

Мы выбрали себе подходящее местечко на перроне и, не ломая строя, приспособились, кто как мог. Одни курили стоя, другие уселись на «скатке», третьи приспособились на «колено». Всех интересовали одни и те же вопросы:

— Далеко ли противник?

— А что будет дальше?.

Серое, гнетущее здание станции, заплеванный, зашарканный, усеянный окурками перрон, наползающая таинственная южная ночь—все это как-то угнетало, прибивало к земле и томило неизвестностью.

НА БРОНЕПОЕЗДЕ.

Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй...

Когда уже совсем стемнело, к Лозовой с шумом, с грохотом, выбрасывая клубы дыма и снопы искр, подкатил бронепоезд Грозно приподнятые вверх дула орудий, тупоносые пулеметы, запыленная, окуренная пороховым дымом команда броневика — все это резко меняет настроение станции. Усиливается движение, собираются толпы зевак, а нам несется громкая команда:

— Равняйсь!

Командует наш командир роты.

Мы выравниваемся, как по ниточке.

— По порядку рассчитайсь!

Словно мячики, перебрасываем от одного к другому.

— Первый.. второй... третий... четвертый ..

И так до последнего.

— Восьмидесятый! — звонко кричит последний.

— Все, значит.. Сбежавших никого, — весело смеется комрот.

— Рано ще, — отшучивается кто-то из строя.

— Сми-ирно-о! — раздается новая команда. — Кто служил в старой армии, три шага вперед!

— Раз, два, три...

Пятьдесят человек, как один, выдвинулись вперед.

— Так вот, товарищи, — теперь уже серьезно начинает командир роты, — двадцать пять человек из вас поедут с бронепоездом. Боевую задачу вам раз'яснят на месте.

Кто желает ехать?

Желающими оказались все.

— Всем нельзя, — резонно заметил командир и, зайдя с левого фланга, отсчитал двадцать пять человек.

— Вот вы поедете! — сказал он.

Среди этих двадцати пяти оказался и я.

К бронепоезду подцепили открытую платформу, и мы один за другим, как кузнечики, попрыгали в нее.

Паровоз сделал несколько тяжелых вздохов, выкинул огромный клуб дыма, брызнул дождем искр, и мы тихо двинулись вперед, в жуткую неизвестную темноту.

Ночь была хотя и летняя, но холодная. Темно-голубая гигантская чаша неба была усеяна мириадами звезд. Звезды лили свой яркий, фосфорический свет, и нам казалось, что южная ночь от этого темнее и холоднее. Вдали, белея пятнами, выделялись хутора, а над ними, как сторожившие их великаны — пирамидальные тополя. Тихо. Только откуда-то издалека доносится едва уловимый лай собаки.

Наш обостренный слух ловил каждый звук. Наши настороженные взоры пытливо щупали темноту.

Чу, что это такое?

Руки сами по себе схватились за оружие.

В чем дело?

Линией продвигаются какие-то фигуры.. Пронесся придушенный шопот.
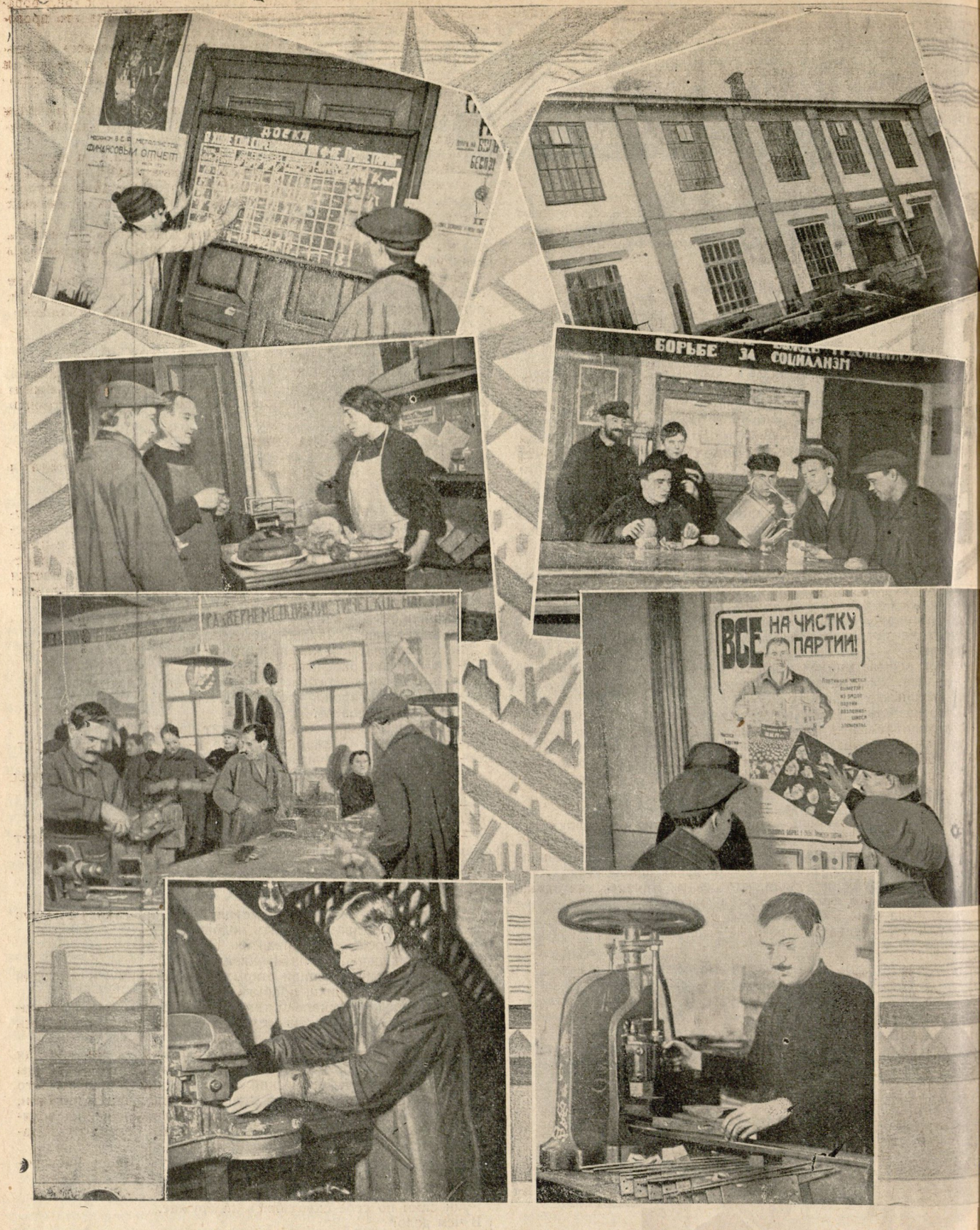
— Успокойтесь, товарищи! .. Это наши дозоры,—успокоил нас человек в кожаной тужурке, принадлежавший к команде бронепоезда.

Бронепоезд продвинулся вперед тихо, осторожно. Так разведчик ползет на разведку, ощупывая каждую пядь земли.

(Продолжение следует).

2583

Фото В. Сэпп.

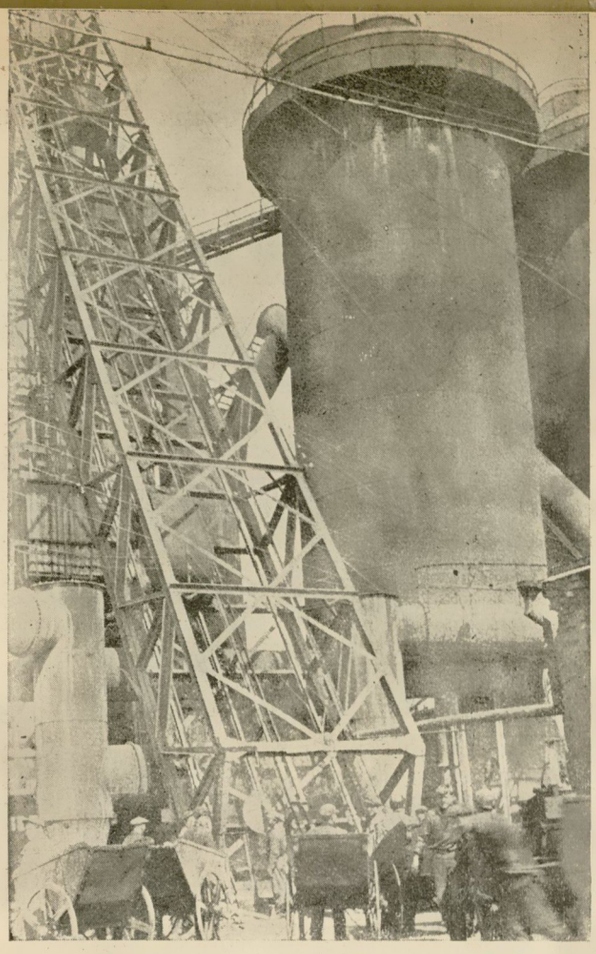

1. Соцсоревнование на фабрике „Пролетарий“ на полном ходу. На снимке—следят за ходом соцсоревнования. 2. (рядом). Вновь построенный корпус никелировочного и полировочного цехов на самоварной фабрике им. Ленина. 3. ЦРК на фабрике „Пролетарий“, отпуск продуктов рабочим. 4 (рядом). В столовой на фабрике „Пролетарий“,—за завтраком. 5. На фабрике „Пролетарий“ — поточная система. 6. (рядом). Подготовка к чистке партии на самоварной фабрике им. Ленина. 7. Рабочий т. Токарев первый на фабрике „Пролетарий“ поднял норму выработки на 10 проц. 8. (рядом). Рабочий изобретатель фабрики „Пролетарий“ Калеткин, заменивший ручную работу машинной.

ИНАЯ ОСЕНЬ.

Расхныкался капелями
Ракитник у пруда.
И вспомнились шинельные,
Свинцовые года.
Нас были сотни, тысячи
Суровых шинелей...
Не скоро время вычислит
Победы наших дней.
Морозили нас осени,
А зимы жгли в боях.
Весной цвели колосьями
В стальных поющих днях.
Мы—рваные и босые,
А песнь—
Аэроплан...
Не мы ли вызов бросили
За дальний океан?
Штыками и тачанками
Отгромыхали дни...
Седой ковыль мочалкою
К степной груди приник.
Расплакался капелями
Ракитник у пруда.
С дырявыми шинелями
Ушли мы, кто куда.
И вспыхнули рубинами
Огни других зарниц.
И небо над рябинами
Запело сталью птиц.
Зафыркала фордзонами
Непаханная степь.
И зори бирюзовые
Гудками стали петь.
И осени кружилися,—
Не осени,
А май.
И руки стали жилистей,
И шире грузный взмах.
И пусть ракитник хныкает
У грязного пруда:
Стальные взмахи выкуют
Стальные города.

К. Мартынов.

КОСАЯ ГОРА. Металлургический завод им. Дзержинского.

МОЙ ПУТЬ.

Каждый день медвяным утром—
Утром, взбитым на меду,
По росе, что перламутром
Расплескалась,—
Я иду!

Я иду средь ржи и гречи
Под густой шмелиный гуд.
Мне колосья
Льнут на плечи,
И к колосьям
Плечи льнут.

Я иду, а ветер веет,
Солнце жар вливает в грудь.
Я иду и все милее,
Все милей мне этот путь.

Я иду росистой глушью,
По лугам еще седым.
Я иду туда, где тушью
Облако обводит дым.

Я иду туда, где рокот
Разливается в леса,
Где глядят прудами окон
В синь далеко
Корпуса.

Я иду туда, где слово
Заглушает звон пород. *)
Я иду туда, где снова
Ждет меня родной завод.

Я иду, а ветер веет,
Солнце жар вливает в грудь.
Я иду, и все милее,
Все милей мне
Этот путь.

Михаил Рудин.

*) Порода—руда.

2583

КОЧЕГАР.

Ночь такой же, как ты, кочегар,
Среди угольной темноты,
Раздувает созвездий жар,
Роет облачные пласты.

И первый раз на этом пути
Ты едешь, как пассажир,
И первый раз паровоз впереди,
Точно шмель, домовито жужжит.

Городишко и жарок и сух,
Здесь кончается твой пролет.
Ты глотаешь стакан суук-су
И турчонок глядит тебе в рот.

И к ногам твоим льнет трава—
Тоже, кажется, в первый раз.
Течит пламенная синева
В синеву утомленных глаз.

Грудь веселою силой полна,
От песчинок ступне горячо.
Напевает тихонько волна,
Прижимаясь прохладным плечом.

Весь в сияющей зелени дом,
Где жилище твое, кочегар.
Ночь под облачным тяжким пластом
Раздувает созвездий жар.

Бицепс снова, как прежде, тугой,
На работе отличный друг...
Вьются звезды под кочергой,
Летая сквозь окна на юг...

Галина Краева.

КОММУНАРКА.

Здравствуй, Карповна!.. Как можешь?
— Да, как видишь: ничего.
— Все попрежнему ли гложешь
Мужика-то своего?
— Поглодала да довольно...
— Что так мало?
— Да уж так:

**Тульский пролетариат передал вновь организующимся колхозам Воловского района двадцать тракторов.
На снимке: колхозница на тракторе.**

Стало зубы что-то больно,
Да невкусен он, дурак.

На такой исход раздора
Рассмеялись мы все враз.
Сам виновник разговора,
Молодой мужик Тарас,
Улыбаясь, заметил:

— «Крышка, братцы! Со вчерась
Наша Карповна, я сметил,
В коммунарки подалась».

— В коммунарки!?. Вот так дело!..
Как же вышло-то, мой свет?
Ведь она тебя заела
За партийный твой билет...

— Так и вышло... В воскресенье
Стал вопрос о пахоте...
Увидала, где спасенье
Деревенской бедноте...

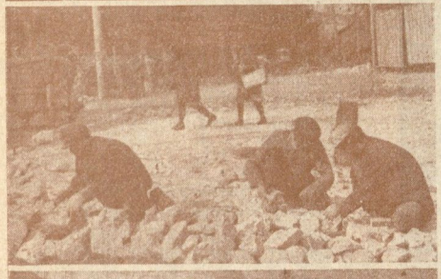
Беднота-то—о колхозе,
А кулак—об отрубах.
Беднота—об общей пользе,
А кулак—о дележах.

Как ячейка окорнала
Аппетиты кулаков,
Наша Карповна и стала
Понимать большевиков.

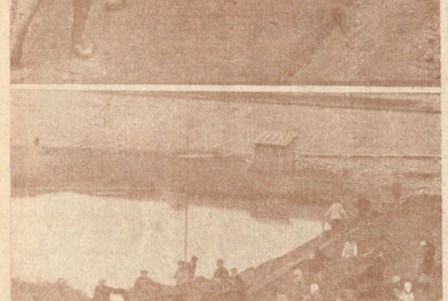
А вчерась в коммуну ай-да—
Заявленье подала..
Разобрать построже надо:
Очень злющая была.

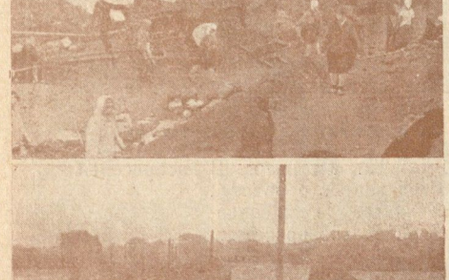
Г. Куликов.

НА СТРОЙКЕ

1, Постройка нового дома. 2. Прокладка мостовых на окраинах города. 3—4. Строится дамба Чулковского трамвайного моста. 5. Каменные столбы для трамвайного моста.

О тех, кто идет впереди

(Очерк К. Шапошникова).

Меднопрокатный завод развесил густую завесу дыма над окраиной города.

Из открытой пасти медно-плавильного горна литейной мастерской вырываются длинные языки пламени. Внутри горна ярко-красный тигль; клокочет в нем расплавленная медная масса.

Медь плавится при двухтысячной температуре.

Горновой Илья Семеныч, опершись на кочергу, стоит, утирая пот с багрового лица, похожего на остывающую медь. Конец кочерги, воткнутый в земляной пол, брызжет моментально угасающими искрами.

Илья Семеныч, весь, с фуражки до сапог, засыпанный серебристым пеплом, похож на какого-то алхимика из старой сказки.

— У нас, брат, по литейной в ударных бригадах соревнуются 90 человек,— рассказывает он.— Главная беда наша — большой брак по самоварному цеху. До 15 проц. этот брак доходил. За это нас слесаря-самоварщики «пекарями» назвали.

— А теперь как?

— Теперь что же... теперь лучше стало. Созвали мы собрание горновых и подручных, поговорили меж собой: «что, как и отчего» — и порешили: «Всем 123 человекам горновых-подручных за брак, сделанный по их вине, денег не брать с завода».

Отвернувшись к сушилу, Илья Семеныч открыл с грохотом железные двустворчатые двери сушила:

— Готово... снимать пора.. —буркнул он.

Осторожно беря руками каждую опоку, тщательно обдувая со всех сторон, он складывал ее в станок. Каждая пылинка, попавшая на форму, может стать причиной брака.

Свернутые для литья опоки в станке делаются похожими на столб из громадных, толстенных книг в серебристых переплетах.

— Гей... вы! —гаркнул горновой вглубь мастерской, откуда доносилась частая дробь чекмарей (деревянные молотки формовщиков).—Опоки на сушило давай!..— И сам загрохотал железными дверьми.

К сушилу потянулись, равномерно покачиваясь, подручные с опоками в руках.

В открытой пасти горна клокотала расплавленная медь.

* * *

Станочные мастерские завода — исключительно женские мастерские. У каждого станка склонилась заботливая голова, окаймленная прядями выбившихся из-под повязки волос.

Завод больше полумесяца тому назад перешел на 7-часовой рабочий день, и еще сильнее кипит у работниц желание увеличить производительность и улучшить качество изделий.

Маловеры говорили: «При 7-часовом рабочем дне соцсоревнование может пойти на убыль». Но станочницы на практике опровергли эти измышления. Кроме уже работавших ударных бригад до перехода на «семичаску» — после перехода организовалось еще 4 ударных бригады, а 2 работницы на одном из переходов подняли производительность труда на 50 проц. и стали управляться вместо 2-х на 3-х станках.

Упаковка самоваров на фабрике им. Ленина.

Таких примеров сотни и тысячи; обо всем рассказать—нужна многотомная книга.

В общем завод закончил свой хозяйственный год по мирному производству с превышением промфинплана на 19 проц.

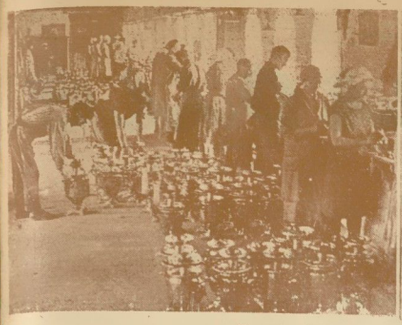
И в этом превышении плана соцсоревнование сыграло главнейшую роль.

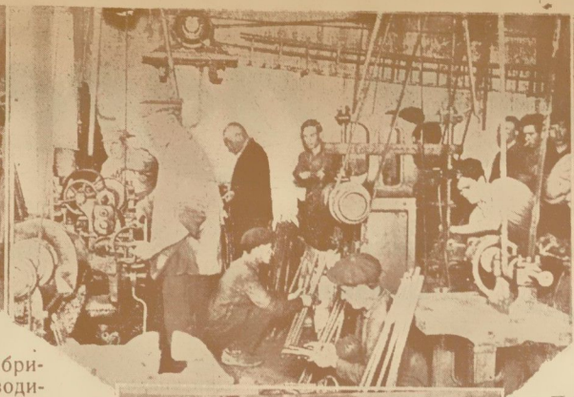
* * *

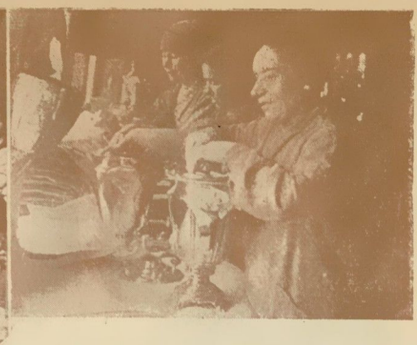
Новый корпус сборного цеха самоварной фабрики им. Турчанинова. На «кра

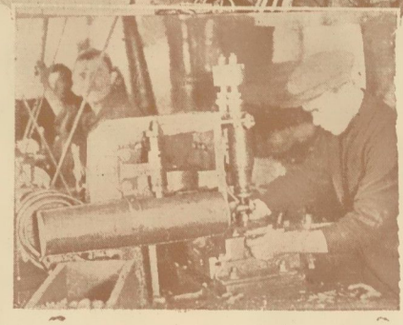
Во вновь отстроенном корпусе фабрики „ФЕНИКС".

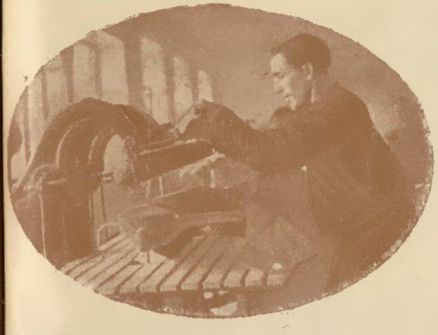

На самоварной фабрике им. ТУРЧАНИНОВА.

ой доске» четко написано: «Ударная бри-ада сборного цеха подняла производи-ельность труда на 9,4 проц. и снизила рак по сборке самоваров с 2 до 2 штук». «Самоварная ф-ка выпустила 220.000 са-оваров, вместо намеченных планом 00.000 штук. Брак снизился с 0,4 проц. о 0,2 проц.».

«В ударных бригадах фабрики принимает участие 241 рабочий, или 30 проц. сей рабсилы фабрики».

Новый утюжный цех на швейной фабрике „Ревтруд".

Так говорят сухие, бесстрастные ко-онки цифр.

Пройдемся, читатель, по цехам фабрики.

Никелировка. В пузатые ванны опу-ены сотни еще зеленых самоваров. ерез несколько минут они выйдут оттуда крытыми серебристым налетом никеля.

— Вот они — герои этого цеха!—говорит ен член фабкома фабрики.— Смотри: пер-ый т. Эри,—никелировщик, поднял произво-ительность труда на 74 проц., а вот ра-отница Евдокимова увеличила норму вы-аботки на 71 проц.

Он еще назвал несколько фамилий...

Дальше, дальше...

В токарном цехе шуршат ремни, бешено ертятся колеса, из-под резцов спиралью ылетают блестящие медные стружки.

Цифры коротко говорят: токаря по про-очке кранов подняли производительность руда на 10 проц.

Дальше.

Чистильщицы самоваров не имеют ни од-о прогула, а на завертке самоваров ра-ботницы Чуканова, Самсонова и Колосова добровольно снизили себе расценки на 10 проц.

* * *

Самоварная фабрика им. Ленина.

Искры каскадами летят от полировочных кругов.

Полировщик самоваров тов. Поляков рассказывает:

— Полировали мы 30 самоваров в день на человека, работали по привычке, с прохладцем. Когда началось социалистическое соревнование, я сказал своим ребятам:

— А, ну, старики, кто за мной? Я берусь полировать 60 самоваров. Идет, что ли?

— Ишь, ты! Откуда выскочил?— набросились на меня полировщики.—Знаем таких! Ну-ка, зачинай, а мы посмотрим, что из этого выйдет.

Поляков начал и... добился своего: сейчас во всем цехе полировка самоваров поднялась до 50—55 штук на человека.

На фабрике выработано 96.000 самоваров в этом году, а по плану должно быть выпущено 90.000 штук.

— Руководство у нас соцсоревнованием никуда,— возмущаются многие. Правда, на фабрике только 9 рабочих повысили себе норму выработки, да 8 отказались от уплаты за брак; себестоимость снизилась пока только на 4 проц.

* * *

Рабочая смекалка на наших заводах в этом году развернулась во-всю:

По меднопрокатному заводу было внесено 426 предложений, из которых принято 286.

По приблизительному подсчету, эти предложения дадут заводу около 100.000 р. экономии.

Изобретатели и рационализаторы получили премий на 10.380 рублей.

Сотни изобретателей, тысячи рационализаторов и десятки тысяч лучших активистов производственников на наших заводах приносят в подарок 12-й годовщине Октября улучшения, усовершенствования производства, поднятие производительности труда, снижение себестоимости и увеличение выработки изделий. Соцсоревнование вошло в систему работы коллективов рабочих. И все новые и новые шеренги, все новые ударные бригады вливаются в мощный поток социалистического соревнования.

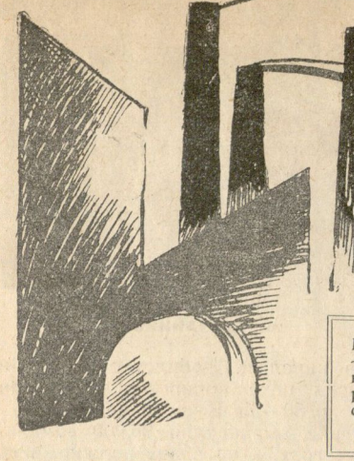
У Курского вокзала построена новая ватная фабрика (вторая в Туле). На снимке: установка машин.

Колхозная мельница. *Фото-этюд В. Коновалова.*

2583

Рис. П. Жарова.

На переломе

Рассказ

М. Селезнева

М. Селезнев—рабочий. «На переломе» —его первый рассказ. Автор показывает общественный, культурный рост рабочего, показывает, как ломается старый быт и создается новая жизнь, новая семья.

В заводе Ерман был примерным работником: не опаздывал и не пил вина. А сегодня он работал за двоих: чернорабочий не вышел, пришлось самому подвозить работу.

— Дай дорогу!— предостерегал Ерман. Его мускулистые руки напрягались, лицо было красным от усталости.

— Эй! чего рот разинул! В лепешку сомну!..

Зазевавшийся молодой рабочий проворно отбежал в сторону. Он был веселый, кепка на затылке и держал бумажки в руке.

— Слышь, на листовку, помозгуй!— крикнул он Ерману.

— Некогда сейчас читать, положь в карман.

Малый оттопырил сальный карман Ермана, засунул розовый кусок бумаги.

— Ну, всего! Смотри прочитай: штука важная,— сказал он и скрылся меж станков.

— Ладно!— пробормотал вслед ему Ерман, подкатив тележку к станку. Вытер пот, оставляя черные следы руки. Быстро наладил станок. Под ритмичным движением рук споро делались гайки. Он наполовину повысил норму, многие товарищи против повышения шли, когда Ерман их вызвал на соревнование.

— Да, ну!.. Бросьте, ребята, ныть,— просто сказал он — Как будто не понимаете, что подмога государству нужна...

Ребята замолкли, никто не решился спорить, зная Ермана, как серьезного парня. После согласились с вызовом.

Движутся стрелки часов. Только большая подошла к цифре 6, а маленькая показала пол-двенадцатого, звонок прорезал гул станков, шум моторов. Все в минуту стихло. Явственней стали голоса людей, а в ушах еще стоял и шум и трескотня. Ерман вымыл руки, пальцами, точно граблями, провел по взъерошенным волосам. Слегка покачиваясь от усталости, пошел к общему столу. Налил кружку чая, улыбнулся сидящим. Те ему тем же ответили. Он засунул кусок хлеба и огурца в рот.

Молодой профорганизатор встал у дальнего конца стола.

— Товарищи, сегодня у нас будет беседа.

У стола завозились, ближе придвинулись к говорившему. Ерман вспомнил про бумажку в кармане, быстро вытащил ее и прочитал заголовок:

«Подпишись на третий заем!..».

Ерман со вниманием прислушивался к словам докладчика. Кончился доклад.

— Товарищи!— сказал профорганизатор,— давайте обсудим: вопрос сложный. Кто будет говорить?. Обсуждайте, не стесняйтесь...

— Я!— крикнул Ерман.

— Пожалуйста. Слово имеет Фомин.

— Товарищи!— горячо говорил Ерман.— Бандитами захвачена Восточно-Китайская железная дорога. Капиталисты всеми силами стараются, чтобы Советский Союз начал первый войну. Они хотят подорвать нашу пятилетку и восстановить свою капиталистическую власть... Советская власть обратилась к рабочим с просьбой дать взаймы государству свой месячный заработок. Откликнемся на вызов московских профсоюзов! Наш лучший ответ захватчикам и бандитам—стопроцентная запись на третий заем!.. Сделаем свою пролетарскую страну могучей, независящей от других стран!

Поднялись засаленные руки за предложение Ермана..

Вновь прозвенел звонок—как-то перекатисто, не попрежнему, как показалось Ерману. Взвизгнули моторы, завертелись колеса.

Ерман носился среди машин и собирал подписи рабочих...

* * *

Домой Ерман пришел поздно, сел у окна и стал жадно читать газету. Надя, жена Ермана, скучная, ставила на стол обед.

— Ерман, обедать!— низким голосом позвала она.

Оторвался Ерман от газеты: голос жены ему показался чужим. Глядит на Надю и не узнает ее: лицо хмурое, не веселое Сел к столу, стал есть, а сердце чутко колотилось в груди.

— Надя!

— Что... Ерман... Второе?— заикаясь, торопливо заговорила Надя.

— Нет... Я .. так... Спросить хотел да раздумал,— протянул Ерман.

— А я думала — второе,— не скрывая волнения ответила Надя.

Они долго молча сидели.

— Что это ты, Надюша, дуешься, как мышь на крупу? Аль новое что услыхала?—вдруг прямо спросил Ерман.

— Почему ты так поздно пришел?—в свою очередь спросила Надя.

— Видишь ли... Я запоздал... У нас... было—начал Ерман.

— Знаю,— оборвала его Надя, волнуясь,— нагрузился, видно...

— Ты точно «в воду смотрела»,— веселей заговорил Ерман.— Действительно нагрузился: на третий заем подписку сбирал.

— Ну?.. а я думала тебе разряд повысили,—с раздражением проговорила она и отвернулась.

— Ты подожди губы дуть,— серьезно начал он.—Дай высказать. Это трудная задача.. Я ведь помогаю всему нашему государству. Вот что, Надя!.. А сейчас вот закушу и айда в клуб—там сегодня открытое партийное собрание.

— Зачем тебе туда?

— В партию хочу записаться! Не хочу быть нейтральным. По прямой дороге надо итти!

— Ерман, не нужно, я боюсь за тебя!— как-то жалобно вскрикнула Надя.— Тебя вырвут у меня... Понимаешь!

— Эх, ты!— весело проговорил Ерман.— Партия не отрывает,— она скрепляет людей, Ну, да ты еще не понимаешь,—он порывисто прижал ее голову к своей груди.

— Ну, мне пора,— сказал Ерман, вставая.— Часов в восемь вернусь. А ты, Надя, самоварчик приготовь... Ну, прощай, Митька! Расти, карапуз!—он поцеловал пухленькую ручку сына.

Ерман долго махал кепкой стоящим у ворот жене и сыну, завернул за угол, быстро зашагал по рытвинистой дороге.

Солнце белым диском выглянуло из-за туч; слегка крапал дождик. Вечерело. Ерман дошел до угла и оглянулся: кругом было тихо.

— Действительно, ей будет скучно,— со вздохом проговорил Ерман.

Народу на улицах не было, только детишки копались в серой пыли, на которой капли дождя оставляли черные пятна. И, глядя на них, он только сейчас вспомнил: Надя хотела заплакать.

— Почему так?— спрашивал себя Ерман.— Неужели она боится, что я загуляю? Да нет же, чепуха!.. Хе... Даже смешно «загуляю»... Тьфу...

Мимо него шла соседка, молодая. Муж ее день и вечер дома не бывал, приходил только ночевать.

— Здорово, Елена Дмитриевна!—окликнул Ерман.

— Здравствуй!—тихо ответила та и прошла.

Не понравился ему этот привет:—холоден.

— Что она думает насчет меня?—опять подумал он. Гулящий скажет... Вот что! Ну, да... ешь те корень .. Нет, нужно будет убедить Надю... Ну, ежели что...

А сверху давило серое... Мочило разгорячившиеся щеки. Ныло в груди. Без надобности достал часы. Времени уже пол-шестого. Начало собрания в шесть. Полчаса ходьбы. И он прибавил шагу.

Жена, сын, пасмурная погода уже больше не тяготили. Все это показалось мелким и уходило назад, назад. А когда подошел к клубу, то все тяготившее в пути сжалось в комочек. За ним развернулось огромное. широкое будущее...

На собрание немного опоздал. Все почему-то шумели. Кто-то громко кричал из гущи: «Отложить!»

— А вот и он здесь!—крикнул молодой белобрысый рабочий, указывая на Ермана.

Все обернулись. По их лицам нельзя было понять: нето злое выражение, нето недоумение на них. А когда Ерман сел, все повернули головы в прежнее положение.

— Товарищи!—заговорил председатель,— кто хочет задать вопрос товарищу Фомину?

Все притихли. У Ермана усиленно стучало в висках. Он не боялся вопросов, но сразу смутился.

— Сколько несешь общественных нагрузок? — кто-то задал вопрос.

— Сборщик членских взносов в профсоюз, член ячейки Осо-авиахима... Ну, еще эта новая нагрузка по сбору подписки на третий заем.

— Так... У кого еще вопросы есть? Так, вопросов нет. Ну, кто высказаться хочет?

— Чего там, малый свой, общественник,—заговорил весь зал.

— Принять! Утвердить!

— Принять!— зазвенело в ушах Ермана.

— Значит, согласиться с постановлением бюро? — громко спросил всех председатель.

— Кто за?

В ответ поднялась роща рук.

— Единогласно...

Когда кончилось собрание, Ерман почти выскочил из клуба, столкнувшись у дверей с гражданином высокого роста в очках. Тот удивленно посмотрел на него, поправляя в подмышках портфель. Ерман почему-то улыбнулся ему, но не извинился. Он радостно смеялся всю дорогу, мысленно ведя беседу с своей женой: «Ничего!.. Ничего, Надя! Это ж перегон в нашей жизни»...

А солнце уже село и оставило после себя пожарное зарево на западе, перерезанное кое-где облаками — серыми, лиловыми, перепельными с красной каймой...

* * *

Дойдя до своего дома, Ерман осторожно отворил калитку, тихо прошел в дом. В комнате темнота, стальной блеск окон. Ерман, крадучись, сделал два шага вперед, кашлянул.

— Ерман, это ты? — послышался неуверенный, испуганный голос Нади.

— Я, Надюша... Я... Где ты?— весело заговорил Ерман.

— Я тут... на печи.

— А, испугалась?!

— Я думала вор какой,—радостно говорила Надя, слезая с печки.

— Что ты в такую жару да на печь?.. Да ведь это ж... Ну, возможно ли?..

— Возможно, спрашиваешь?.. Страшно—вот и залезла.

— Не сочиняй, Надя.. со смехом ответил Ерман.—Это ты все говоришь для того, чтобы я никуда не ходил..

Но этим ты меня дома не оставишь. Понимаешь?

— Нет, оставлю,—невольно вырвалось у Нади.

— А... проговорилась! Значит, это все выдумка в самом деле? Ха-ха-ха-ха! Ну, тогда поди ко мне,—сквозь смех говорил Ерман. Мы с тобой столкнуемся по душам. А?

— Сейчас, дай огонь зажечь,—тихо ответила Надя.

Вспыхнул свет, осветил чисто убранную комнату и двоих хозяев. Он был весел, а она задумчиво глядела на лампочку.

— Ну, довольно на огонь смотреть! Неровен час,—глаза сломаешь. Иди сюда!

Надя не трогалась с места. Ерман встал, нежно взял ее за плечи, повернул к себе. Надя спокойно глядела на него, потом ее глаза заморгали, на них показались слезы.

— Что это? Плакать? Жена коммуниста... Ну, уж это непростительно.

— А что же я, по-твоему, должна смеяться, когда скука грызет? Радоваться на то, что ты, коммунист, будешь оставлять меня одну среди такой нуди... Да я с ума сойду!.. Убегу, и ты меня не найдешь!..

Она громко зарыдала и, закрыв руками лицо, упала в постель. Ее плечи нервно подергивались.

— Перестань, ребенка разбудишь—крикнул Ерман. Но тут же похватился, что этим делает жене еще больней, и переменил тон:—Перестань! Подумают, что бьют тебя здесь...

— Не перестану! Ты меня замучить хочешь. Я тебя видеть хочу часто, чтобы ты всегда был со мною... Не перестану! Отойди!..

...Ну, да ты еще не понимаешь...

Она отбросила обнимающие ее руки Ермана.

— Ничего не понимаю. Что ты хочешь?—пробормотал Ерман, барабаня по спинке кровати. Его волновало то, что Надя не может понять его любви к ней.

— Как странно, он не понимает, с ехидством проговорила она.— Все вы такие: будто работой нагружаетесь, а этим прикрываете свой разврат...

— Откуда это ты берешь?—почти выкрикнул Ерман.

— Ты думаешь я темная и ничего не знаю? Как же! Вот тебе сосед наш: одна только-что от него выгрузилась, да еще три нагруженных остались. И ты такой же, Ерман, станешь. Не отрицай, станешь!.. Нет, нет, я тогда не выдержу... Слышишь, Ерман...

— Глупости говоришь, Надя... Не меряй всех на одну колодку, Зря ты расплакалась.

— Вот, вот,—чуть слышно говорила Надя.—Все так говорят, уверяют в верности своих жен, а потом командировка и...

— Надя!—перебил ее Ерман, крикнув.

— Не кричи, не гулящая, авось! — укладывая проснувшегося ребенка, ответила жена.

— Надя! Тише!—проговорил Ерман.— Что ж и ты мне не веришь, как все жены своим мужьям?

Надя не ответила. Ерман отошел.

— Что же будет дальше?— спросил он, тупо глядя в неосвещенный угол кухни.— Эх, жизнь! Переломить бы тебя нужно, да трудно...

* * *

В завод Ерман пришел нахмуренный, на поклоны товарищей кому отвечал, кому нет. В обеденный перерыв за столом его спрашивали:

— Что же, Ерман, аль не выспался?

Ерман молчал. Ел лениво, задумчиво поглядывая на отдыхающее от четырехчасового вращения моховое колесо. Солнце прорезало лучами засаленные шашечные стекла окон, лучи мешались с синим воздухом мастерской.

У Ермана по спине пробежали мурашки, он вздрогнул... Еще больше усилил смех сидящих.

— Тише, зубоскалы! — остановил Тимофеич, старый токарь. Малому не по себе.

— А он чего молчит? Коль горе какое — выкладывай: своя семья! — крикнул Ефимка-комсомолец.

— Правильно!— загалдели другие.

— Коль правильно, так выкладывай, Ерман! — продолжал Ефимка.

Но не успел Ерман собраться с мыслями, как звонок нарушил тишину, заставил опять вертеться колеса, и ему стало веселей: Ерман почувствовал, что он не один.

Перед концом работы подошла к нему Женя – женорганизатор.

— Здравствуй, Ерман! Как поживаешь?

— Здорово! Ничего,—с натянутой веселостью ответил Ерман, приготовляя другую партию работы.

— Ты что-то не в духе сегодня, хоть и улыбаешься зря... Я человек примечательный, от меня не укроешь,—сказала Женя.

— А знаешь что? — неожиданно заговорил Ерман.— Ты, как «политлекарь» по женской части, повлияй на мою жену. Хотя она и не работает нигде... Но уважь, приди, ведь вы когда-то с ней были подругами. Не велит она мне работать в партии, а ты знаешь, как трудно наперекор итти.

— Знаю,— перебила его Женя.— Значит, с женой у тебя нелады? — Она нахмурилась.— Н-да... ну, что ж, зайду... Но ты как придешь домой к ней,— не ругайся, а то мне трудно будет установить, чем она больна.

— Вот и хорошо. Может быть, подействуешь? — повеселел Ерман, крепко сжимая в своей руке руку Жени.

Прозвенел звонок.

— Ну, всего! — сказала Женя.— Пора уходить. Приду обязательно.

Она ушла. Ерман, разглядывая ее маленькую, но стройную фигурку, принялся мыть руки.

— Вот жена-то такая кому попадет, не пропадет малый.. На все руки мастерица,— кивая в сторону Жени, заговорил Иван Петрович, старый слесарь с ремонта.

То же подумал и Ерман, но только по-иному: хорошо бы если бы такой была Надя.

— Ну, что, голубчик, задумался? Мой что ли! — торопил его Иван Петрович.—Время деньги, да и щелок-то стынет.

— Так, думка в голову забрела,—ответил Ерман, вытирая руки опилками.

— То-то... думка,—пробормотал Иван Петрович.—А из думки—целая история...

— Это верно,—согласился Ерман.

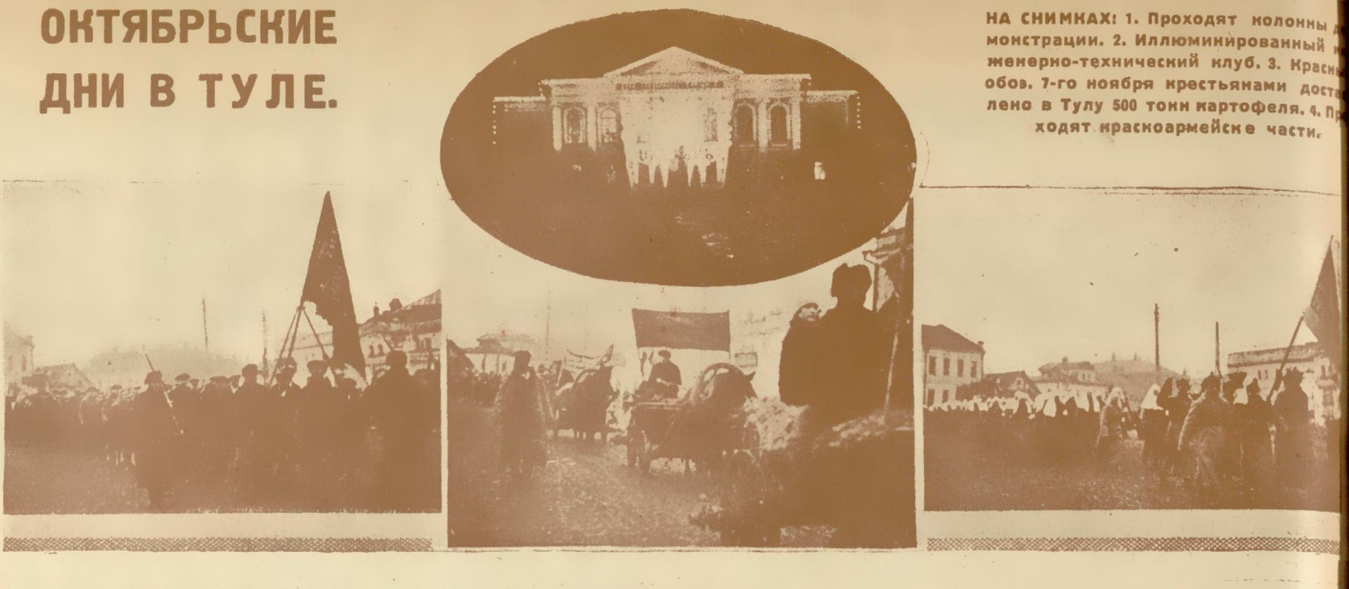
Вскоре они вдвоем шагали по пыльной дороге, оживленно беседуя.

Солнце уменьшало свой свет, прячась за седые облака, как бы играя в прятки с шумным городом.

(См. сл. стр.).

2583

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В ТУЛЕ.

НА СНИМКАХ: 1. Проходят колонны д... монстрации. 2. Иллюминированный ... женерно-технический клуб. 3. Красны... обоз. 7-го ноября крестьянами дост... лено в Тулу 500 тонн картофеля. 4. П... ходят красноармейские части.

На серый камень мостовых
Стекает вечер.
Воздух тих,
Густа настойка синевы...
— Шуми и падай, звонкий стих,
На серый камень мостовых!

По этим камням и торцам
Гремел прибой,
Качал прибой
Знамена, песни и сердца.
Отряды шли в огонь и бой
По этим камням и торцам!

Годов великих дымный след
За нами лег.
И далека
Тоска угрюмых, хмурых лет.
Заложен под разбег станка
Годов великих дымный след.

В старинном парке над прудом
Гуторят дружно
Мужики.
И ясли принял барский дом.
По-новому идут деньки
В старинном парке над прудом.

Руды всклокоченный отвар
В утробах доменных
Бурлит;
С ножом лезгинку пляшет жар.
И наступает время лить
Руды всклокоченный отвар.

Металл в опоки облечен
И стынет,
Быстро затвердев.
У домны людям горячо,—
Струя руды не кончит рдеть.
Металл в опоки облечен.

В Хибинской тундре ель скрипит,
Мерцает и дымит костер.
Здесь недалеко аппатит
Скрывается в отвалах гор.
В Хибинской тундре ель скрипит.

Эгей! Мы аппатит найдем,
Сквозь версты,
Ветер
И снега
Зеленым манят нас огнем
Глухая полночь и тайга.
Эгей! Мы аппатит найдем!

Взялись пилоты за рули,
Ложится ровный,
Мерный гуд,
Бурли, страна моя, бурли,—
Тебя надежно берегут...
Взялись пилоты за рули.

Кордон не дремлет. Ночь без сн...
Штыки отпор готовы дать.
Бурли, бурли, моя страна,
Страна свободного труда!
Кордон не дремлет. Ночь без сн...

На серый камень мостовых
Ложится вечер.
Воздух тих,
Густа настойка синевы.
Шуми и падай, звонкий стих,
На серый камень мостовых!

По этим камням и торцам
Качает брызжущий прибой
Знамена, песни и сердца.
Идут отряды в новый бой
По этим камням и торцам!

Ив. Костин.

***

Дня через два после разговора с Ерманом Женя забежала побеседовать с Надей. Доказывала ей, что ее думы насчет мужа неверны. Ерман — твердый малый и любит ее.

— Ну, ты пойми сама,— горячо возражала Надя. У нас двое детей, пойти мне никуда нельзя, а он будет разгуливать по собраниям и вечерам и забудет меня.

— Нет, Надя,—продолжала Женя.—Ведь только нужно понять и внушить себе, что этого не должно быть. Я сама тоже так думала, когда мой муж был жив. Он был партийный, а я беспартийная; мысли, конечно, и мнения насчет жизни были разные. Он, бывало, ночью поздно придет, а я мучаюсь, плачу, прошу его бросить все и сидеть со мной: я тоже боялась, что он загуляет... Я ему мешала, жужжала, как пчела, днем и ночью..

Женя задумалась.

— Умер от чахотки, а я все думаю, что виновата в этом я,— закончила Женя Она взглянула на Надю. Надя молчала.

— Теперь ты можешь понять,— голос Жени стал звучать настойчивее,— как дорога для коммуниста его партия: он переносит все трудности и неурядицы в быту благодаря непониманию женою тех задач, которые поставлены перед всеми нами, пролетариями—это необходимость участия каждого в переустройстве нашей жизни. И тебе бы, Надя, нужно вступить на эту полосу и взять частичку общественоой работы,— закончила Женя, сжимая любовно похолодевшую Надину руку.

— Но я же не могу,—горько заявила Надя.—У меня нет сил.. Ну, что я?..

— Но ты грамотная. Тебя только нужно подковать политикой, и ты великолепно будешь справляться со своей работой.

— Ну, а дети, хозяйство? Это, ведь, все забросится...

Женя задумалась,

— Н-да, штука серьезная,— решительно встряхнула она черными, коротко подстриженными волосами. —Ты будешь работать среди домохозяек. На первое время я буду помогать тебе, а потом ты привыкнешь и будешь работать не хуже других. А детей? Одного, побольше который—в детский сад. Ну, а м... ленького в трудную минуту будешь отправлять в ясли. Тог... забудешь, как скучать..

Женя провела по лбу влажной рукой. Этот разговор в... волновал, наводил на воспоминания о прошлом. А Надя сидел... как убитая большим горем. Ее белесые пряди свисли на лоб.

Женя, взглянув на Надю, подумала: «Ну, если Ерман таку... жену забудет, то уж это непростительно». Она встала, про... лась по комнате и решила уйти, чтобы дать Наде, как следует подумать.

— Ну, счастли о, Надя! — твердо сказала Женя и крепко по-товарищески, сжала протянутую руку Нади.

— До свидания! – рассеянно проговорила Надя.— Но я ещ... не знаю, чем все это кончится... Ты, Женя, заходи к нам, дав... ведь, не была. Видно, тоже забываешь про своих подруг за сво... работой.

— Да, Надя! — с улыбкой отвечала Женя.— Но это не пом... шает мне заглянуть к вам.

— Спасибо.. Но я все-таки буду настаивать, чтобы Ерм... остался прежним.— с улыбкой окончила Надя.

Женя ушла. Надя задумалась и только сейчас поняла, ч... больше соглашалась, чем не соглашалась с Женей.

Вечерело. И через чисто протертые окна, выходившие ... улицу, видно было зарево заходящего солнца. Наде почудилос... будто она очнулась от долгого сна. Мимо окон проехал об... грузчиков.

— Мамочка, дай пить! — раздался позади ее детский голо... Надя крепко обняла и прижала к себе Митьку.

— Ты пойдешь в детский сад?—спросила она его и сама ... ответила...

— Пойдешь, видно. Так надо...

На горизонте, где садилось солнце, остался красновато-син... цвет, и верхушки курчавых берез казались седыми...

М. Селезнев.

От Волчьих хуторов

Очерк и рисунки А. Лесного.

I.

В осеннем, увядающем золоте деревьев
нет «Волчий хутор».
Маленькие, покачнувшиеся набок избы,
кется, глубоко ушли в землю.
Тишина на хуторе. Ни души!
Посредине хутора — высокий, стройный
Матвея Гущина. Наглухо забиты окна
верь дома...
Во дворе его тихо и пусто...
Хозяина нет..

II.

Когда-то вот здесь, на «Волчьем хуторе»,
натуре трудолюбивый и неугомонный,
ин строил свое хозяйство. Строил, не
кладая рук...
Время шло... Текли длинные в тяжелом
де дни и короткие вечера за книгой.
Заложенные в землю труды Гущина не
падали даром: хозяйство росло; хозяйство
лось культурным и показательным. Да-
о за пределы хутора покатилась извест-
ть о Гущине.
местные хуторяне зорко следили за его
отой, с любопытством смотрели его пока-
ьный, с постоянной чистотою двор.
огонек радости, огонек победы горел в
инских глазах.

III.

Время шло...
Наступали осенние вечера.
Много простору для человеческой мысли,
го времени!
Гущин больше читал, больше думал.
В цепь непрерывных размышлений вплес-
сь новые и новые звенья.
И вот: первые сомненья, первые постав-
ные вопросы перед самим собой:
— Что дает мое хозяйство?..
— Кому оно нужно?..
Начинал думать о колхозе.
Изба Гущина полнела единомышленниками.

До поздней ночи шли толки, споры, обсуждения:
— А если коммуну?..

IV.

Время шло...
Толкаемый зреющей, не дающей покоя мыслью, Гущин едет по ряду колхозов Тульского округа и Северного Кавказа. Перед

ним новая, неугомонная жизнь колхозов, их напряженная, дружная работа.
Было решено...

V.

В 9 километрах от Тулы, в бывшем имении Керна, по инициативе Гущина, организовывается Сеженская коммуна.
Коммуна молода. Ей еще только год.
А хозяйство исчисляется 10 лошадьми, 22 коровами и бедным с/х. орудием на 138 гект. земли.
80 коммунаров строят свою новую жизнь, свое новое хозяйство.
В коммуне — столовая.
В коммуне уже организованы ясли.
Коммуна дала за год 8 тыс. руб. прибыли.
И это только начало!..

VI.

Вечером мы возвращались с хутора.
Было не по-осеннему тепло и тихо. Еле слышно, еле уловимо откуда-то издалека звенела песня.
— Это у нас поют!—говорит Гущин, махнув рукою к коммуне.
Песня не переставала звенеть.
А когда мы вошли на территорию коммуны, молча остановились, оглядывая окрестности.
Какое красивое место!
Змеей легла у коммуны Сежа. И над ней, низко наклонясь, в осеннем золоте отцветали березы...
Коммуна спала. После напряженного, неугомонного дня сон ее крепок и здоров.
— У нас ребята умеют работать!—прерывает молчание Гущин.
— Помню,— говорит он,— было весною.. я поздно возвращался в коммуну... Темно.. Слышу, шумят на пашне...
Подхожу и вижу: пашут ребята.
— Мы, дядя Матвей, решили сегодня все допахать: немножко осталось! — Весело бубнили они...
— Да, ребята любят работу, и силы в них много...
Снова молчание.
И опять начинает он:
— А вот когда, может быть, на будущую весну здесь, по этой земле, зашумят тракторы, не то будем делать, не то!..

. . . . . .

И я вижу:
Идут ровной шеренгой стальные кони.
Шумит земля, покорно ложится перед ними туманными просторами своими...
А навстречу стальным «диковинам», с землистым цветом лица, идут, улыбаясь, люди...
Люди идут от хуторов «волчьих», единоличных, к коммунам.

Общий вид коммуны Сеженка. Выше—коммунарка за сбором яблок.

2583

Пионерская сельскохозяйственная выставка в ТУЛЕ.

ОТРЯД В ПОХОДЕ

Тульской пионерии посвящаю.

Еще миг,
И по томной аллее
Зазвенел, тишину разбудив,
Все бойчей,
Все звончей,
Все слышнее
Боевой пионерский мотив.

Еще миг,
И под дробь барабана,
Что лилась говорливой струей,
Расцвела голубая поляна,
Как любая поляна
Весной.

Расцвела первомайским плакатом
Под стихающий рокот и гам,
Глядя вслед уходящим куда-то
Загорелым и стройным рядам!

Траву гладил приветливо ветер,
Солнце туч золотило пласты,
И в траве порассыпались дети
Ярче, чем полевые
Цветы.

А потом разошлись, по колено
Утонув в зеленеющий вал:
Кто ворочать душистое сено,
Кто возить его на сеновал.

Долго, долго под гул бабабана,
Позабыв зеленеющий вал,
Помогал утомленным
Крестьянам
Молодой, загорелый отряд.

А потом из деревни ребята,
Под стихающий рокот и гам,
Долго, долго глядели куда-то
Вслед усталым,
Но стройным рядам.

И звенел по зеленой аллее,
Предвечерний покой разбудив,
Все бойчей,
Все звончей,
Все слышнее
Боевой пионерский мотив.

Михаил Рудин.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОХОД

Из голых степей
На коварство трясин
Отряд комсомольцев идет побережьем.
Туманом и гнилью
Промокла одежда,
И западный ветер дождем моросил.

Отряд
Пробирается в черные плавни,
И чавкают в тине тяжелые боты.
И вот начинается
Утренник ранний
Высоким порывом горячей работы.

Месторожденья
Слепой саранчи
Мы ядами травим и газами душим,
Мы смерть рассеваем
На воду, на сушу
И в исступленьи животном кричим.

Из гиблых трясин
Саранча выползает
И гроздьями виснет в седые кусты.
Зеленую тину с трудом разрывая,
Мы лезем...
И враг под ногами хрустит.

Подмышками
Жадное хлюпанье пота.
Мускулатуру усталость ломает.
По циферблату неслышно хромая,
Усатая стрелка
Гнала на работу...

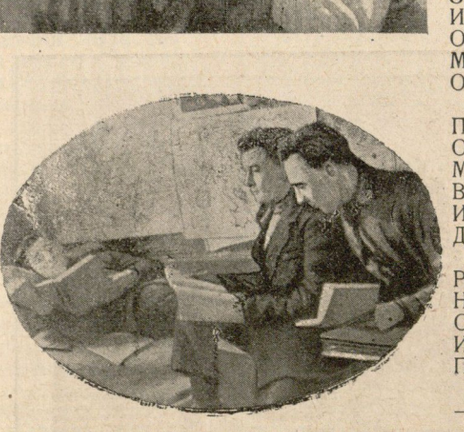
Зеркальные звезды
Изрезали высь
Обрызгано небо здоровым загаром.
Мы слушаем песни о Белой Акыз,
О Козе-Корпеш и акине-Дударе...[1]).

Падали тучи
Одна за другой,
Месяц бессильно прокладывал путь,
В болотах мерцала прозрачная ртуть,
И ночь проносилась
Дорогой немой.

Роса закипала
На листьях травы.
Остыли, зажженные нами, костры.
И только киргиз заунывно поет
Про комсомольский тяжелый поход.

Андрей Алдан

Быт рабфаковцев.

1. Рабфаковец-туркмен и рабфаковка готовятся к зачетам.

2. В общежитии. Одолевают гранит науки.

[1]) Белая Акыз, Козе-Корпеш и Дудар легендарные герои Казакстана. Акин—по

О НОВОМ ТЕАТРЕ

Начало ему у нас в Туле было положено в 1927 году; тогда была создана крепкая труппа с прекрасным, культурным руководителем тов. Ростовцевым во главе. Это был первый коллектив, который сумел соединить высокую художественность с подлинно советским репертуаром.

Туляки увидали такие пьесы ,как „Разлом„ „Рельсы гудят", „Любовь Яровая", „Приговор", „Константин Терехин".

Основная заслуга коллектива под руководством Ростовцева заключалась в том, что он сумел сблизить театр с общественностью. Организовалось ОДСТ, проводились зрительские конференции. Работники театра появились на предприятии. В театр, впервые за все время его существования, организованно пошло рабочее Заречье и Чулково.

Труппа Ростовцева была той „ласточкой", которая сделала в тульском театре революционную весну.

В работе театра открылась новая страница. .

Сезон этого года только начался.

И начался он при благоприятных показателях.

Остановимся подробнее на первой постановке новой труппы, постановке, так сказать, дающей тон всему сезону.

Труппа открыла сезон новой пьесой Киршона „Город ветров".

Тема пьесы острая и волнующая. В основу ее положен один из самых драматических эпизодов гражданской войны—расстрел 26 бакинских комиссаров.

Но Киршон не увлекся, как этим грешат многие, „внешней стороной" сюжета, не превратил пьесу в многоактную пальбу, перемещающуюся фокстротирующей буржуазией и непрерывно разлагающимся, трусливыми и пьяными белыми.

Он сумел дать живых людей в живой борьбе.

Рабочие его—не сусальные „титаны в синих блузах", напичканные всеми и всяческими добродетелями; комиссары—не самодействующие автоматы в кожаных куртках, непогрешимые и непрерывно произносящие митинговые речи,—нет, они—люди из плоти и крови, по живому чувствующие, которым ничто человеческое не чуждо".

Они—не „герои", они—плоть от плоти своего класса, концентрированное выражение его воли и движет ими великий закон классовой борьбы. Борьба эта развертывается диалектически, в противоречиях и усложнениях, а не так, „как галки летают" как любят изображать многие „революционные" писатели.

Пьеса написана хорошим, сочным литературным языком; для каждой персонажа найден свой верный тон, свои интонации.

От пьесы не веет архивом, хотя бы и недавних лет,—в ней много моментов и вопросов, волнующих сегодня (отношение рабочих к производству, „ультралевые" настроения части молодых, неокрепших коммунистов).

Теперь об исполнении и оформлении.

Пьеса поставлена (постановщик главрежиссер Таевский) в плане условного реализма, без слащавости и павильончиков, но и без излишних конструктивных выкрутасов.

Удачная мысль—рама из нефтяных вышек и эстакады с двигающимися желонками и вагонетками. Это сразу дает пьесе правильный тон. Не плохи и другие декорации; неудачно сделан только корабль, увозящий комиссаров. Музыки, пожалуй, даже избыток; в некоторых сценах она не нужна: рассеивает внимание (сцена в тюрьме, например).

Но в целом новая режиссура и ее сотрудники „Город ветров" показали, что ставить свежо и оригинально они умеют.

По одной пьесе трудно, конечно, составить себе представление о силе коллектива. Общий стиль исполнения—бодрый, в меру патетический, намечен правильно и соответствует и сюжету пьесы, и его развертыванию автором. Но крепкой, слаженной сыгранности, того, что называют „ансамблем", в первой постановке еще нет.

Отдельные персонажи безукоризненны, и пальму первенства, безусловно, нужно отдать здесь т. Развозжаеву. В роли генерала Мэкстона он дал изумительный, глубоко, до деталей, до малейшего поворота головы, продуманный и отделанный тип великодержавного хищника, сильного, смелого, не стесняющегося в средствах.

Каждый по-своему, хороши комиссары и рабочие, надолго запомнится трогательный и волнующий образ певца Ашуга в исполнении Танского.

Но женщины в пьесе определенно слабы. Нина, например, — стойкая революционерка, по замыслу автора, бесстрашно остающаяся в подполье и вместе с тем женственно мягкая, исполнительнице определенно не удалась. Ее Нина больше смахивает на прекраснодушных „страдающих" героинь из дореволюционных пьес „с настроением".

Не избежали трафарета и исполнители ролей меньшевиков и эсеров. Они даны жалкими, глупыми и трусливыми. В жизни это было, конечно, не так. В расстреле 26 бакинских комиссаров меньшевики, эсеры и националисты выступали, как хитрые, зубастые, прожженные политические дельцы.

Британские офицеры (в особенности первый) и м-р Кларк, владелец английской шерстяной фирмы, выпущены на сцену просто по недосмотру режиссера.

Эти досадные, но неизбежные при первой постановке недочеты общего впечатления пьесы, однако, не нарушают.

С „Города ветров" уходишь, как с большого, волнующего и захватывающего спектакля.

Уходя, веришь, что этой зимой Тула будет иметь хороший, близкий рабочему театр. Последующие шаги труппы после постановки „Города ветров" говорят об этом. Такие пьесы, как „Союз честных людей", готовящаяс „Ярость" и ряд других говорят о том, что гортеатр не ошибся в выборе репертуара. Ставка на современность, на отображение злободневных, волнующих общественность вопросов, несомненно, правильна. И в этом залог успеха труппы.

Сейчас основной задачей драмколлектива должна стать еще более тесная связь с советской общественностью, с рабочим зрителем. Призыв к работникам гортеатра пойти на предприятия и помочь обслужить досуг рабочего должен найти самый горячий отклик среди артистов.

Такие формы связи с рабочим зрителем, как доклады о работе театра на предприятиях, конференции зрителей, предварительное обсуждение намечаемых к постановке пьес, пока еще почти не практикуются. Это—большая ошибка, и она должна быть исправлена. Через рабочего зрителя коллектив должен проверять себя и проверять правильность своей работы.

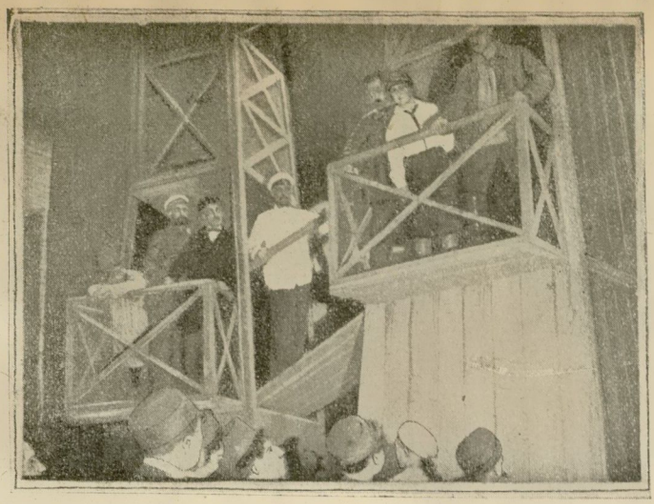
ОДСТ, эта великолепная форма связи театра с советской общественностью, должно жить. К сожалению, сейчас ОДСТ только „живой покойник". Обществом никто не руководит, никто не хочет ему помочь. Нужно пересмотреть совет общества (несмотря на то, что он недавно избран) и очистить его от тех, кому не по пути с советской общественностью, кто не может быть руководителем революционного театра.

И, наконец, пора общее руководство театральной политикой передать в руки художественно-политического совета, который хотя и создан, но ничего не делает.

Именно художественно-политический совет должен делать „театральную погоду".

При этих условиях тульский театр сможет удержаться на высоте подлинно революционного театра, близкого, понятного и дорогого рабочим массам.

Т. Дальний и М. Мосолов.

„ГОРОД ВЕТРОВ". Митинг.

Арт. Дергач.

„Город Ветров". Министры-социалисты у генерала Мэкстона. (арт. Развозжаев),

Арт. Танский.

ЮМОР и САТИРА

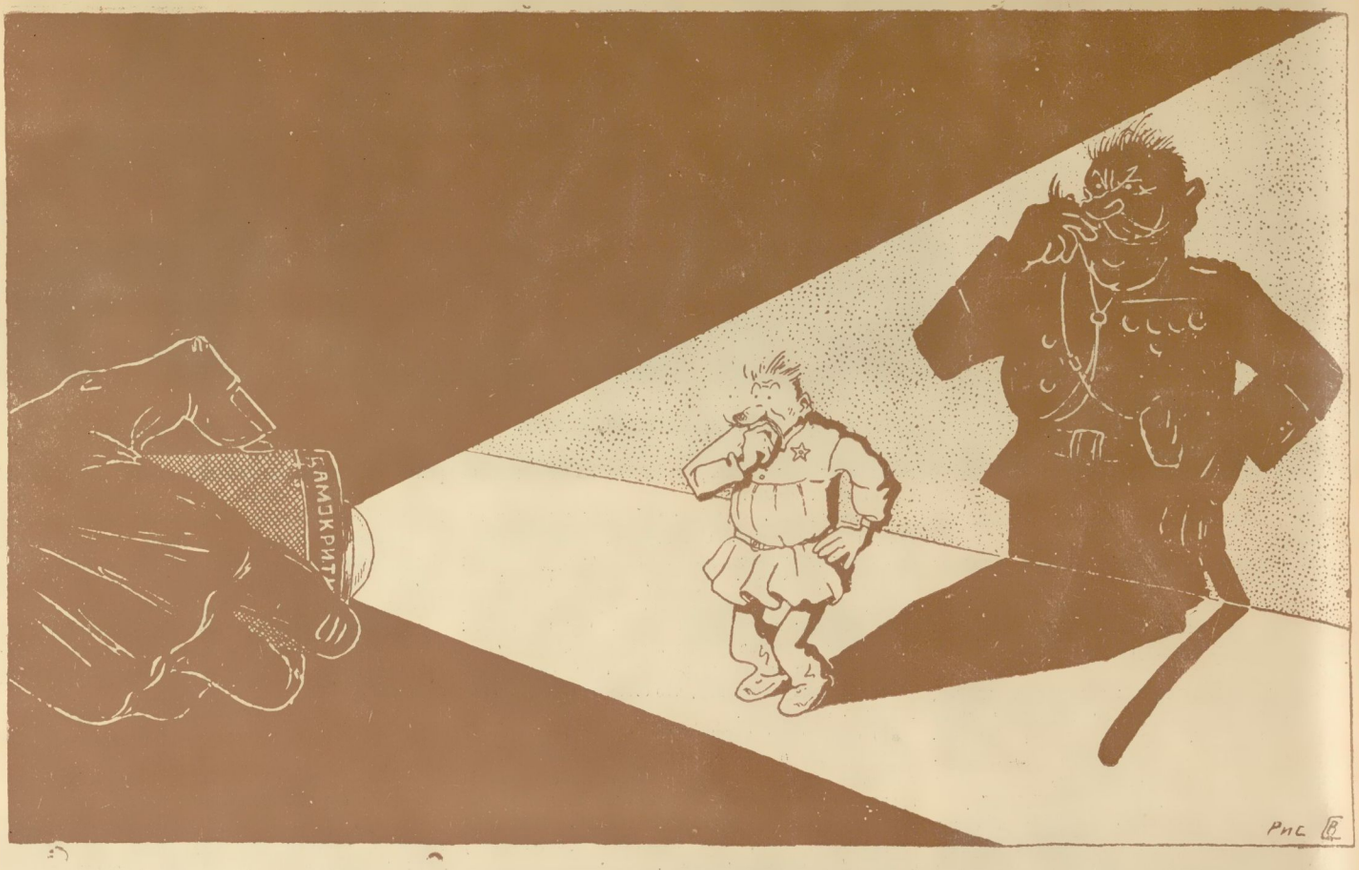
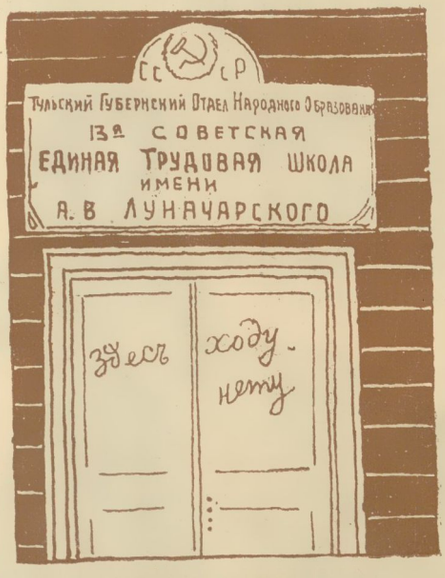

Рис. В. Сэпп. **„Хоть ты и в новой коже“,... а тебя вычистят.**

— Как же вы, батенька, замариновали этот циркуляр? Что же это вам—рабочее предложение, что ли? (Ревизор).

Вниманию педагогов.

О чем говорит эта надпись на двери 13 советской единой школы по улице Каминского?

— Тебе чего, бабушка?
— Справочку мне: есть ли бог?

— Серьезная эта штука—поднятие производительности. Для храбрости пойти разве выпить? (Крокодил).

— Что это Прев Силыч закручинился? Урожай что ли у него плохой?
— Нет, в колхозе урожай хороший!

Издатель газета „Коммунар“. Редакционная коллегия { М. Колябская, В. Старцев, Н. Добротворский, М. Кольчугин, А. Ватажин.

Тулокрлит № 1345. Типография Тулпечати—Тула, Коммунаров, 41. Заказ № 7319—29. Тираж 2.500 экз.